

— **НАСКОЛЬКО** я знаю, Леонид Генрихович, вы редко вступаете в диалог с журналистами...

— Мне привычнее писать диалоги. Думаю, что и читатель устал от лавы пророчеств и поучений. Слова, безусловно, подешевели, их девальвация неоспорима. Наша суровая реальность проще, отчетливее, красноречивее.

— Вас почти невозможно увидеть ни на писательском собрании, ни тем более на трибуне. Это — позиция?

— Нет, конечно. В позиции есть нечто продуманное, а значит, в какой-то мере, искусственное. Надо следовать естественным склонностям. Согласен, что я не отличаюсь сильным общительным темпераментом, но дело в том, что с каким-то временем твоя работа становится Домом, который тебе очень важно достроить. В нем есть пустующие квартиры, и надо успеть их заселить.

— Убеждена, что вы успеете.

— В ваши годы глагол «успеть» звучит, слава Богу, вполне абстрактно. Впрочем, как много других понятий.

— Не так давно в «Независимой газете» появилась статья Галковского. Он пишет в ней, что уже пора писателям старшего поколения сойти со сцены. Вы с ним согласны?

— Статья подкупает своей прямоотой. Шукшин и Высоцкий внушают автору чувство безусловной симпатии тем, что ушли сравнительно рано. Конечно, для писателя важно не пережить себя самого, однако по-своему прав и Зощенко: «С одной стороны, друзья, прелестно умирать, а с другой стороны — мерси, лучше не надо, как-нибудь обойдемся без вашей чувствительной благодарности». Думаю, требовательному литератору вполне по силам определить, исчерпал ли он собственные возможности.

— Мне кажется, что люди вашего поколения не очень-то жалуют нашу поросль. Им, пережившим террор и застой, заботы сегодняшней молодежи кажутся надуманными.

— Нет, мне так совсем не кажется. Бесспорно, у каждой генерации — своя историческая драма. А общее между нами одно: всем приходится провести отпущенный срок в сумасшедшем доме. Наверное, неглупые люди в далеком шестнадцатом столетии вряд ли могли понять, для чего нужно истреблять гугенотов, а лет через двести те их потомки, которые не вовсе свихнулись, только разводили руками, видя, как трудится гильотина. В России тоже недоумевали, как это в девятнадцатом веке сохраняется крепостное право, а в начале двадцатого — самодержавие. Словом, безумие миропорядка всюду и во все времена было достаточно очевидно. И тем не менее это детские игры в сравнении с обществом, в котором прошла жизнь моего поколения. Казалось, что это уже предел — не только палачества, но и кретинизма — и я радовался за сына и внука, которым досталось иное время. Но радость все же была поспешной. То, что происходит вокруг, нельзя назвать не чем иным, как коллективным помешательством. Не только на нашей несчастной родине — во многих «горячих точках» земли творится то, что нельзя объяснить. Сербь убивают хорватов, хорваты — сербов, словаки кидают в писателя Гавела тухлые яйца за то, что он — чех, об Африке и говорить уже нечего. Что же касается Отечества, то тут не знаешь, чего и ждать. Что нынче делается в Осетии, в Чечне, в Дагестане, в Закавказье, где завтра извергнется новый вулкан бессмысленной ненависти и ксенофобии? А разве, когда в Москве вы читаете писания наших антисемитов, время от времени появляющиеся — при подозрительном попустительстве — в разных газетах и журналах, вам не ясно, что это душевнобольные? (Речь, разумеется, не идет о циничных политиках, поставивших на крапленую карту). Девять лет назад в ро-

мане «Странник» мне привелось высказать мысль, что национальная идея хороша лишь в «герметизированном», строго статическом состоянии, что, обретя динамику, она ведет прямиком к зоологии. Сегодня с абсолютной уверенностью воспринимаю эту мысль как данность. И нет для меня опасней понятия, чем столь прилекательное «национальное самосознание». Очень звонко и красиво звучит, но путь от него — к изуверству и крови.

Нет, и вашей поросли не позавидуешь. Трудно дышать в такой атмосфере среди стойкого помрачения умов, трудно сбегать в себе человеческое. Трудно и тем не менее надо — это всегдашняя задача, которую выдвигает жизнь перед «мыслящим тростником».

— То, что вы говорите, не радостно. И не очень-то обнадеживает.

Моск. комсомолец. — 1991. — 14 дек.

ВЕЛИК ТВОЙ ЗВЕРИНЕЦ

Драматург Леонид ЗОРИН:
«Трудно сберечь в себе человеческое»

Фото Валерия ПЛОТНИКОВА.

— Думаю, надо набраться мужества и бестрепетно осознать: тот, кто способен думать и чувствовать, рождается на свет не на радость. Несовершенен и этот мир, и населяющие его люди. Чем больше трезвости, тем скорее удастся определить условия, при которых можно испытывать счастье. На мой взгляд, таких условий — два: любовь и работа. Все прочее зыбко. Если вы любите и вас любят, если вам выпало делать дело, которое истинно вам интересно, можно считать, что все состоялось.

— Вы можете это сказать о себе?

— Да, я думаю, что могу. Жизнь мне далась нелегко, как и у каждого из моих сограждан, было авось горю и огорчений, однако же у меня есть семья — и любящая, и любимая. Работа мне доставляет радость — всегда с нетерпением жду нового дня, свидания с письменным столом. Поэтому грешно было бы жаловаться.

— Леонид Генрихович, если можно, расскажите о любящей семье чуть подробнее.

— Матери моего сына уже нет. Сын — мой близкий друг, ученый, филолог. Так же, как и моя невестка. Внуки — школьник. Склад ума — иронический. Несколько лет назад я женился. Жена — музыкант, виолончелистка, с беспощадным художественным вкусом. Расслабиться мне, таким образом, сложно.

— **КАК** Вы сказали, и ваша молодость, и зрелость прошли в своеобразном обществе. Похоже, что главной его задачей было всячески нивелировать личность. Нельзя сказать, что оно уже в прошлом, что нет приверженцев его догм. Что вы думаете о сегодняшних социалистах? Они говорят, что они исходят из благородства этой идеи, что она вышла из христианских корней, они постоянно напоминают, что в иных европейских странах социалисты стоят у власти.

— Сопоставление с Миттераном, с Гонсалесом, с лейбористами в Англии, с социал-демократами в Скандинавии, как принято говорить, — некорректно. Все эти деятели существуют в посткапиталистическом мире, не посягают на его основы и приходят к власти, когда выясняется необходимость подкорректировать налоговую политику и социальное страхование. Что касается наших социалистов — они совсем в другом положении. Результаты семи десятилетий централизованной социэкономике у всех на виду, и в сознании общества она безусловно скомпрометирована. Вернуться к ней, отдать ей свои голоса избиратели могут лишь от отчаяния, при дальнейшем ухудшении жизни. Конечно, политики-социалисты, как лю-

бые политики, хотят успеха и, конечно же, они понимают, что их успех, их будущее тесно связано с этим ухудшением жизни. Будет лучше — им мало что светит. Политическая ставка тут делается на наши беды (неизбежные при смене формаций), на дальнейшее обнищание и люмпенизацию населения. И это, естественно, не внушает симпатии. Говорить о христианских корнях можно, понятно, сколько угодно, но на самом-то деле, эти политики рассчитывают не на христианские чувства. Наоборот — на злую тоску по уравнительному принципу, на привычку к духовному иждивенчеству, на боязнь здоровой конкуренции, на давнюю ненависть к одаренности, предпримчивости, энергии, наконец — на элементарную зависть. Хотя то наследники недавней религии или нет, но сегодняшняя их деятель-

ность — в этом есть нечто противоестественное. Но расхотится можно пристойно, а можно — с взаимными обвинениями, теша любовь к соседям.

Вообще же писательский союз — очень сомнительное предприятие. Литература — одинокое дело. Я понимаю необходимость Литфонда, который обязан помочь бедным, старым и немощным литераторам, но чисто творческое объединение вряд ли оправданно и возможно. Оно неизбежно создаст иерархию, тот или иной департамент. Наверное, нужна среда для общения, но может ли она быть многочисленной? В двадцатые годы в «Серapiоновых братьях» было всего-то семь человек. Но закон больших чисел почти обуславливает убывание душевной гармонии. У нас в Пен-центре хорошая атмосфера, но чем больше станет он расширяться (а это обя-

зано от запаха португез и кирзы — все вместе наводит на грустные мысли.

— И так, у писательского объединения должна быть единственная задача: помочь тем, кто стар, и тем, кто болен.

— И тем, кто в нужде. А среди них будут и старые, и молодые.

— Вы полагаете, число нуждающихся будет расти?

— У нас будет так же, как и везде. Нигде не живут на доходы от книг. Все одержимые и фанатики пишат, как правило, по ночам, а днем зарабатывают свой хлеб далеким от писательства способом. Помню, лет тридцать назад, в Финляндии меня познакомили с романистом — талантливым, мыслящим человеком. Он, например, был хороший плиточник и этим кормил свою семью. Тогда я, помнится, изумился. Теперь я знаю, что так суще-

ствует подавляющее большинство литераторов.

ствует подавляющее большинство литераторов.

Для нас переход на новые рельсы, бесспорно, произойдет мучительно. Перемена статуса, возможно, окажется даже тягостной материальной ударом: среди писателей богачей единицы. Психологическое потрясение будет сильным, тут нет сомнений. Мы не привыкли к самостоятельности в литературном плане. Существовал издательский план, и надо было в него попасть — причем издатель не рисковал обанкротиться, коли выпустит книги, которые не купят. Теперь же ему придется подумывать, прежде чем порадовать человека.

— По-вашему, есть молодые таланты, которые выдержат жесткий режим?

— Есть. Хотя талантливым людям как раз и придется труднее всего. Талант разрывает привычный круг, нужно время, чтобы к нему привыкли. Публика чувствует себя уютно в обществе знакомых имен. Кроме того, талант — это стиль и часто стиль еще не освоенный, раздражающий тем, что он — чужой. Талант — это необычный язык, в какой-то мере — разрыв с традицией. Хотя совсем не хочу утверждать, что все традиционное — плохо, а авангардное — хорошо. Думаю даже, что у традиции есть безусловное преимущество — она не отвлекает от сути. Но, так или иначе, неплотворно не совершать никаких прорывов.

— А кого вы бы выделили из молодых драматургов?

— Прежде всего Николай Коляда. Назову еще Александра Сеплярского и чрезвычайно талантливых женщин — Марию Арбатову и Елену Гремину. Не могу назвать Ярослава Стельмаха очень уж молодым драматургом. Пожалуй, он ближе к среднему возрасту, но его пьеса «Синий автомобиль» — превосходное достижение.

— Вернемся все-таки к предмету нашей беседы. Леонид Генрихович, назовите, пожалуйста, лучшую постановку вашей пьесы.

— «Римская комедия» Товстоногова.

— А лучшее актерское воплощение?

— Нет, не берусь определить. Очень много прекрасных работ прекрасных артистов — и у нас, и у «них».

— Вопрос из «занимательного литературоведения». Насколько автобиографичны ваши вещи?

— Все рождается из личного опыта, но вполне автобиографичны лишь «Покровские ворота» — в них вымысел почти отсутствует. Подобно юному герою пьесы и фильма я приехал в Москву из южного города и жил в ней первое время среди этих людей, увы, ныне уже покойных.

— А фильмы «Секундомер» и «Гросс-

мастер» — один о футболе, другой о шахматах — они отражают какие-то веки или периоды вашей жизни?

— Ну... относительно. Что до футбола, то я им был увлечен отчаянно, можно сказать — всю свою юность, но страсть к писательству возобладала. Не знаю, играла ли литература, а спорт перенес эту потерю. Шахматы тоже кружили голову, но горячка прилипла на школьную пору. В зрелые годы я лишь однажды принял участие в турнире — выиграл первенство Дома литераторов. Зато всегда исправно читаю шахматные журналы и книги, а когда мастер Гик меня навещает, мы с ним играем легкие партии.

— Тема, естественно, неизбежная: чем занят сейчас мой собеседник?

— В скором времени в британско-советском издательстве «Слово» выйдет четвертая книга прозы — в нее входит роман «Злоба дня» и рассказы. Название романа дало название книге. В «Злобе дня», как и в предыдущем романе «Странник», рассматривается отечественный нацизм, но в отличие от «Странника» ее основу составляет острый криминальный сюжет — расследование убийства знаменитого барда. Этот клубок проблем и событий позволяет автору поделиться с читателями мыслями о состоянии общества. Мои издатели мрачно отметили, что книга, полученная ими больше года назад, предложила свою версию заговора и, к несчастью, словно бы предсказала трагическую смерть менестреля. Но дело, как легко догадаться, не в провидческих способностях автора, а в экстраординарной ситуации, в которой мы с вами существуем и в которой решительно все возможно — все мы у «бездны на краю». Что же касается драматургии, то я закончил (как раз на днях) пьесу «Граф Алексей Константинович» — о поэте, писателе, драматурге, одном из создателей Козьмы Пруtkова — несравненном Алексее Толстом. Личность художника, так охранявшего свою духовную суверенность, мне представляется эталонной. Пьеса эта у меня «юбилейная», она — сороковая по счету. И чтобы завершить эту тему — я продолжаю мемуарную прозу — книгу «Записки драматурга», главы из которой не раз уже появлялись в наших журналах. Очередная такая глава, озаглавленная «После беды», напечатана в сентябрьском номере «Искусство кино». К этой прозе относятся мои записки «Из зеленых тетрадей» — я вел их в течение десятилетий. С прошлого года фрагменты из них я начал публиковать в периодике.

— Как вы объясняете сами многожанровость вашего творчества?

— Поначалу так складывается само собой, как говорится — незапрограммированно. Но с течением времени проникаешься все той же идеей строительства Дома. Тогда перестает удивляться, что герои, точно тебя не спросив, из одного произведения сами переходят в другое. Но это первое и, быть может, не перво-степенное обстоятельство, оно естественно при строительстве Дома. Суть в том, что самые разные жанры, когда они строятся в ряд, дают возникнуть чему-то цельному. В этом внешне парадоксальном явлении, возможно, заключено объяснение многокрасочной природы единства.

— Леонид Генрихович, а как вы относитесь к газете «Московский комсомолец»?

— На мой взгляд, неточно ее название, но я надеюсь, оно не вечно. Газета живая и содержательная, она поддерживает все свежее, и за это ей — низкий поклон.

— Напоследок — два слова нашим читателям.

— Вы живете в мире, жадном до крови. Боссуэл имел основание назвать его «одним большим дураком». Не позволяйте этому монстру сделать вас его лакомым блюдом.

Вела беседу
Анна КОЗЛОВА.